

Зверь в парадных одеждах

Мэн Хэцзэ так и не нашёл того, кого искал. Его тут же окружила толпа учеников внешней школы, которые, чувствуя героя, с триумфом проводили его к месту жеребьёвки. По пути к ним присоединялись всё новые и новые ученики, и вскоре их отряд разросся до внушительных размеров. Казалось, вся внешняя школа пришла поддержать его.

На некоторых аренах ещё не определились победители четвёртого круга, поэтому жеребьёвка ещё не началась.

Мэн Хэцзэ, ожидая, сохранял внешнее спокойствие и невозмутимость, но втайне прислушивался к разговорам о себе, и ему это нравилось:

— Надо же, он достиг ступени Создания основы, находясь во внешней школе. Где он раздобыл техники, как он совершенствовался?

— В этот раз он победил с трудом. Интересно, сможет ли он выиграть следующий бой?

Изредка доносились и недружелюбные, язвительные реплики: «Этот парень — не больше чем цепной пёс из Двора Суна», «Прихвостень Сун Цяньцзи». Но он не злился, думая про себя, что не всякий удостоится чести быть таким «цепным псом».

«Даже если бы вы захотели, но не умели бы ухаживать за цветами и разжигать огонь, вы были бы бесполезны, и старший брат Сун вас бы не взял»

Вечерело, горный ветер становился прохладнее.

Предстоял последний круг боёв на сегодня. Проигравшие отправятся домой залечивать раны и спать, победители продолжат состязания завтра.

Число арен на площади сократилось до десяти, и наблюдавшие за поединками совершенствующиеся сгрудились плотнее, а подпольные ставки возросли.

Сюй Каншань и Цю Дачэн, так и не найдя Сун Цяньцзи, решили снова поставить на победу Мэн Хэцзэ, теперь уже называя его не «младший брат Мэн», а «брат Мэн».

— Дин три-шесть-пять против Бин четырнадцать, арена „Небо-два“, приготовиться! — громко объявил дьякон.

Ученики внешней школы ещё не знали, кто его противник, но уже кричали:

— Старший брат Мэн непременно победит!

Юноша сжимал в руках свой простой меч. На его плечи легли сотни взглядов и надежд. Он шёл сквозь бурлящую толпу, и гул голосов вокруг напоминал рёв прибоя.

— Докладываю! Сун Цяньцзи покинул башню, он уже вышел!

— Докладываю! Он один спускается с горы во внешнюю школу!

— Парни, всем на свои места, появляемся в нужный момент.

— Лавочник Хуа, готовься броситься на него!

«Цветочное собрание» принесло не так много плодов, как хотелось бы, что немного разочаровало Сун Цяньцзи. Но настроение у него всё равно было прекрасным. Он шёл по весенней горной тропе, и всё вокруг радовало глаз.

Он любовался горами, цветами, водной гладью, и даже придорожная трава казалась ему милой.

Поэтому, когда он наткнулся на группу людей, преградивших дорогу и затеявших ссору, это было особенно неприятно.

Четверо или пятеро дородных, крепких мужчин с грубыми и свирепыми лицами окружили хрупкую совершенствующуюся в белом платье и насмеялись над ней.

Эта девушка, за исключением того, что её лицо не было скрыто, одеждой, фигурой и манерами очень походила на Хэ Цинцин.

— Мы приглашаем тебя развлечься, это честь для тебя, не будь неблагодарной!

— Твоя семья всё ещё должна нам денег, забыла?

Девушка, услышав это, попятилась с испуганным лицом:

— Это школа Хуавэй, Изящное Собрание «Достичь известности»! Среди бела дня...

Кроме хрупкого, словно ива на ветру, стана, у неё было чистое и прелестное лицо, подобное лотосу, взошедшему из воды.

Грубияны разразились хохотом.

— Какой ещё „белый день“? Уже темнеет!

Один из них толкнул её в плечо, и она, вскрикнув, пошатнулась и начала падать.

В этот самый момент мимо проходил ничем не примечательный Сун Цяньцзи.

Он шёл неторопливо, прогулочным шагом.

Подол платья девушки взметнулся, словно крыло подбитой бабочки, и она вот-вот должна была упасть в объятия проходящего мимо совершенствующегося.

Она подняла голову, её ясные глаза наполнились блестящими слезами, которые, намочив завитые ресницы, готовы были вот-вот сорваться вниз. Вид был невероятно трогательный.

Кто бы остался равнодушным при таком зрелище?

Сун Цяньцзи бросил на неё беглый взгляд и сделал шаг в сторону.

Шлёп!

Белый рукав девушки пролетел мимо него.

«Подбитая бабочка» рухнула на землю, подняв облако пыли, и распласталась, как блин на сковородке.

Она забыла проконтролировать выражение лица и недоверчиво выпучила глаза.

«Сун Цяньцзи увернулся? Что это за техника движений?»

Однако он, словно обойдя на своём пути дерево, продолжил идти вперёд всё той же неспешной походкой.

«Грубияны» тоже застыли в изумлении.

— Эй, ты что творишь, не видишь, здесь фея в беде?!

Молодой совершенствующийся, шедший им навстречу, увидев это, с одной стороны, осудил Сун Цяньцзи за отсутствие сострадания и рыцарского духа, а с другой — ускорил шаг, протягивая руку помощи упавшей девушке и мягко улыбаясь:

— Фея, не бойтесь!

Сун Цяньцзи, не обращая внимания, шёл дальше, даже не обернувшись.

Ситуация стала крайне неловкой.

«Ты ещё кто такой? Откуда ты вообще взялся?»

Девушка изменилась в лице. Сделав вид, что не заметила протянутой руки, она проворно поднялась и одним махом догнала Сун Цяньцзи.

Поняв, что двигалась слишком быстро, она тихо и испуганно объяснила:

— Прошу вас, даосский друг, пройдите со мной немного. На вас халат ученика школы Хуавэй, они не посмеют тронуть ученика школы-хозяйки.

Сун Цяньцзи не согласился, но и не отказал, даже не взглянув на неё.

Девушка, опустив глаза, шла рядом с ним. Внешне она выглядела так, будто вот-вот расплачется, но внутри у неё всё кипело от злости:

«Кто пропустил сюда настоящего прохожего?! Кучка ни на что не годных бездарей!»

Она изображала испуг и неуверенность, спотыкаясь о камни и каждый раз пытаясь упасть на Сун Цяньцзи. Но ей это так и не удалось, максимум — она касалась края его одежды.

Вскоре Сун Цяньцзи, завидев на дороге камешек, стал лёгким движением ноги отбрасывать его в сторону, каждый раз опережая её на шаг и не давая ей даже шанса споткнуться.

Ученики собрались на площади, чтобы посмотреть бой Мэн Хэцзэ, поэтому вся территория внешней школы была пуста и тиха.

Перед Двором Суна всё было по-прежнему зелено. Пять-шесть воробышков сидели на бамбуковой изгороди и, купаясь в последних лучах заходящего солнца, чистили пёрышки.

Девушка, воспользовавшись моментом, когда Сун Цяньцзи открывал ворота, проскользнула во двор:

— Спасибо вам, даосский друг, что проводили меня. У меня нет ничего ценного, но позвольте мне в благодарность за защиту заварить вам чаю.

— Не нужно, — сказал Сун Цяньцзи.

— Те люди, должно быть, всё ещё ждут меня на дороге, — поспешно добавила девушка. — Я хотела бы укрыться у вас ненадолго... Я уйду через мгновение.

Она выглядела хрупкой и дрожала от страха.

— Как хочешь.

Войдя во двор, Сун Цяньцзи первым делом проверил семена лотоса, замоченные в воде.

Появились тонкие белые ростки, вид у них был обнадеживающий, и их уже можно было сажать в ил.

Только после этого он обернулся и посмотрел на землю, по которой прошла девушка, на оставленные ею следы.

Он не мог не нахмуриться. В последнее время происходило слишком много странного.

«Девушка» подошла на два шага ближе и жалобно проговорила:

— Вы так благородны, даосский друг. Случайная встреча — это тоже судьба. Не знаю, откуда вы родом?

Лавочник Хуа уже готов был стошнить от собственного притворства.

Мысленно обругав своих сообщников, он принялся ругать Сун Цяньцзи за его непробиваемость.

«Кому вообще в голову пришла идея с „медовой ловушкой“? Мозги, что ли, в чернильницу окунули?»

Всю дорогу он строил глазки слепому, и теперь его переполняло раздражение. Он проклинал почти весь мир совершенствующихся, кроме, разве что, Мудреца каллиграфии.

— Мне нужно уйти, — внезапно сказал Сун Цяньцзи. — Пойдёшь со мной?

— А?

«Сюрприз» был слишком неожиданным.

Лавочник Хуа вздрогнул и тут же собрался.

«Ах ты, Сун Цяньцзи! Только что строил из себя праведника, а теперь не можешь сдержаться? Стоило девушке прийти к тебе домой, и ты тут же решил показать свою истинную натуру и позвать её на свидание?»

— Хорошо, — застенчиво кивнула девушка в белом. — Я, конечно, пойду с вами. Куда мы направляемся?

— К озеру Яогуан.

Лавочник Хуа посмотрел на небо и холодно усмехнулся. В это время вся школа Хуавэй собралась на площади, чтобы посмотреть Боевое испытание, или в Долине Ветра и Дыма, наблюдая за Испытанием игры в ци. На озере Яогуан не было не то что людей, но даже и птиц.

«Темно, хоть глаз выколи. Что ты задумал, негодник?»

— Хорошо, — прикрыв рот рукой, хихикнула девушка в белом. — Пойдёмте.

Наступила ночь. Вечерний ветерок колыхал тысячи ивовых ветвей на берегу озера.

Россыпь звёзд отражалась в воде, словно серебряная пыль.

Вокруг не было ни души, только стрекот цикад в ивах.

«Самое время собирать озёрный ил, — подумал Сун Цяньцзи. — Сегодня же посажу лотосы»

У берега стояла небольшая лодка с навесом, привязанная к иве.

Сун Цяньцзи развязал верёвку и запрыгнул в лодку.

— Даосский друг, не могли бы вы мне помочь? — слабым голосом попросила девушка.

Сун Цяньцзи молча обхватил её за талию, развернул и осторожно усадил в лодку.

Подол её платья взметнулся, словно цветок лотоса, который мгновенно распустился и снова закрылся.

Лодка легко качнулась и направилась к центру озера.

Цветы, луна, мерцающая гладь озера — картина была прекрасна.

А лавочник Хуа был в полном шоке.

«Только что вёл себя как приличный человек, и так быстро превратился в зверя в парадных одеждах?!»

Хотя Сун Цяньцзи обнял его лишь на мгновение и тут же отпустил, больше не прикасаясь, у лавочника Хуа по коже побежали мурашки. Он решил, что этот парень — определённо развратник.

«Ещё раз посмеешь меня тронуть, я тебе твои собачьи лапы переломаю»

Лодка остановилась у павильона в центре озера.

— Даосский друг, что вы делаете? — недоумённо спросил лавочник Хуа.

— Собираю ил, — ответил Сун Цяньцзи, выдёргивая стебли лотоса вместе с корнями и илом и складывая всё в свою сумку для хранения.

— Другие собирают лотосы, а ты — ил. Какой ты интересный.

Сун Цяньцзи не ответил:

— Хочешь пойти в более тихое место?

— Куда?

Сун Цяньцзи указал на противоположный берег озера.

Западный берег озера Яогуан был окружён горами. Там не было отражённого света от воды, и царила кромешная тьма.

Лодка причалила к берегу.

Они пошли вверх по склону, и густая листва полностью скрыла лунный свет.

Лавочник Хуа был взволнован. Спрятав руку в рукаве, он, пока Сун Цяньцзи не видел, отправил сообщение остальным лавочникам.

«К счастью, Мудрец каллиграфии не выбрал этого парня. К счастью, я пожертвовал собой, чтобы его проверить. Каков же мой дух самопожертвования!»

— Давай остановимся здесь, — сказал Сун Цяньцзи.

Если бы здесь был Чжао Цзихэн, он бы узнал это место. Это был тот самый горный павильон, где Чжао Му рисовал красавицу.

В павильоне было тихо и уединённо. Лишь шумело море леса.

— У меня есть вопрос.

— Спрашивайте, — улыбнулся лавочник Хуа.

— Кто ты? — спросил Сун Цяньцзи. — И откуда?

— Меня зовут Бай Ляньлянь, — застенчиво ответила девушка. — Я ученица школы Сягуан из-за моря. Маленькая школа, не стоит упоминания.

Он холодно усмехнулся про себя.

«Хочешь узнать, какие будут последствия, если обидишь эту девушку, да?»

— Ох, — сказал Сун Цяньцзи и равнодушно добавил:

— Тогда кто такой Ван Тугэнь?

Лицо «Бай Ляньлянь» мгновенно побледнело.

«Как это возможно?»

Его искусство перевоплощения меняло не только внешность. Осанка, движения, походка, даже

аура — всё становилось другим. С этой техникой он в своё время прошёл весь континент Тяньбэй, и даже старейшины стадию Зародыша души не могли раскрыть его истинную личность.

Как Сун Цяньцзи с его низким уровнем развития смог его узнать?

«Нет, он пытается меня обмануть»

— Ван Тугэнь? — покачал головой лавочник Хуа. — Не знаю такого.

— Твой вес не изменился, — спокойно сказал Сун Цяньцзи.

— Вес? — опешил лавочник Хуа.

— Ты дважды был в моём дворе, дважды ходил по моей грядке.

— И что с того? — растерянно спросил лавочник Хуа.

Сун Цяньцзи улыбнулся:

— Ты ступал по моей земле, а я ведь земледелец. Как я мог этого не почувствовать?

«Земледелец?!»

Мечники, музыканты, маги, буддисты, алхимики, оружейники, мастера формаций, мастера талисманов — кто из совершенствующихся назовёт себя земледельцем?! Это было просто нелепо.

— Ты не можешь только по своим ощущениям утверждать, что я... — всё ещё не сдавался лавочник Хуа.

— Поэтому я тебя взвесил, — сказал Сун Цяньцзи.

Лавочник Хуа замер.

Когда он сидел в лодку, Сун Цяньцзи обнял его не для того, чтобы приставать, а чтобы оценить его вес.

Он прокололся.

— У тебя ведь есть сообщники? — спросил Сун Цяньци.

Лавочник Хуа почувствовал, как по его телу пробежал холодок.

С того момента, как он вошёл во двор, Сун Цяньци заподозрил неладное, но ничем не выдал себя и выжидал до самого конца?

«Такая выдержка... неужели ему всего пятнадцать лет?»

— Я могу принести клятву на крови сердца, что мы не хотели причинить тебе вреда, а лишь хотели тебя проверить. Но некоторые вещи ты пока не должен знать, и я не скажу.

— Когда ты притворялся Ван Тугэнем, твоя одежда была крайне бедной и поношенной, но от неё не было неприятного запаха, и даже ногти у тебя были чистыми, без единой соринки под ними, — сказал Сун Цяньци. — Даже играя такого человека, ты не позволяешь себе испачкаться. Ты, должно быть, очень чистоплотен.

Лавочник Хуа не понял, к чему он это говорит, и, помедлив, горько усмехнулся:

— Сказать по правде, я действительно помешан на чистоте.

Он держал лавку благовоний и привык к утончённости.

— А у меня сейчас, — улыбнулся Сун Цяньци, — целый мешок ила.

— Ты! — лицо лавочника Хуа резко изменилось.

— Твой уровень развития выше моего, но ты точно не сможешь увернуться от всего ила. Хочешь попробовать?

Не успел он договорить, как ветер внезапно усилился.

В лесу появилось больше десяти тёмных фигур.

Они были полностью закутаны в скрывающие ауру одежды, видны были только глаза.

С оружием в руках они с разных сторон устремились к павильону, мгновенно замыкая кольцо.

Гости были незваные.

— Где ты набрал столько людей? — огляделся по сторонам лавочник Хуа и горько усмехнулся.
— Даже если я не скажу, ты можешь выплеснуть на меня свою злость, облив грязью, но зачем же убивать!

Сун Цяньцзи был избранником Мудреца каллиграфии, и он не мог причинить ему вреда, что ставило его в крайне невыгодное положение.

— Это не мои люди. И я не собирался тебя убивать, — Сун Цяньцзи на мгновение замер, вспомнив встреченных днём Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса.

— Правда не твои? — переспросил лавочник Хуа и провёл рукой по лицу. — Тогда мне можно драться? Я сегодня так натерпелся, так обижен!

Сун Цяньцзи оглядел нападавших и с некоторым сочувствием сказал:

— Валяй.

<http://bllate.org/book/16982/1589011>